

Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенія
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочуть поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

По этой энергіи и поэтической красотѣ стиховъ ужъ тотчасъ видно, что поэтъ выражаетъ свое *profession de foi*, передаетъ огненному слову давно накипѣвшія въ груди его жгучія мысли... Настоящій вѣкъ служить исходнымъ пунктомъ его мысли; *по немъ* онъ дѣлаетъ заключеніе, что близко время, когда проза жизни вытѣснитъ всякую поэзію, высохнутъ растлѣнные корыстью и расчетомъ сердца людей, и ихъ вѣрованіемъ сдѣлается «насущенное» и «полезное»... Какая страшная картина! Какъ безотрадно будущее! Поэзіи болѣе нѣтъ. Куда же дѣвалась она? — «исчезла при свѣтѣ просвѣщенія»... Итакъ, поэзія и просвѣщеніе — враги между собой? Итакъ, только невѣжество благоприятно поэзіи? Неужели это правда? Не знаемъ: такъ думаетъ поэтъ — не мы... Впрочемъ, поэтъ говоритъ не о поэзіи, но о «ребяческихъ снахъ поэзіи», а это — другое дѣло! Но посмотримъ, какъ разовьется далѣе мысль поэта.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!
Влестить зима дряхлѣющаго міра,
Влестить! Суровъ и блѣденъ человѣкъ:
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, берега лазурныхъ рѣкъ;
Цвѣтетъ Парнасъ! передъ нимъ какъ въ оны
годы,
Кастальскій ключъ живой струею бьетъ:
Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы,
Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Теперь любопытно, о чемъ онъ поетъ: любопытно потому особенно, что въ его пѣснѣ ясно должна высказаться мысль автора этой пьесы.

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,
И науки, *имѣ ослушной,*
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомыслиемъ цѣля;
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!

А, вотъ что! теперь мы понимаемъ! Наука ослушна (т. е. непокорна) любви и красотѣ; наука пуста и суетна! Нѣтъ страданій глубокихъ и страшныхъ, какъ основного, перво-сущнаго звука въ аккордѣ бытія; страданіе мимолетно — его должно исцѣлять легкомыслиемъ; въ дни незнанія (т. е. невѣжества) земля лучше чувствуетъ радость!..

Это стихотвореніе написано въ 1835 году отъ Р. XI..

Какъ жаль, что люди не знаютъ языка, на-примѣръ, птичьяго: какіе должны быть удивительные поэты между птицами! Вѣдь птицы не знаютъ глубокихъ страданій — ихъ страданія мимолетны, и онѣ цѣляютъ ихъ не только легкомыслиемъ, но даже и совершеннымъ безсмыслиемъ — что для поэзіи еще лучше; а о наукахъ птицы и не слыхивали, стало быть, и понятія не имѣютъ о пустотѣ и суетѣ наукъ; что же касается до незнанія — птицы ушли далѣе его — онѣ пребываютъ въ рѣшительномъ невѣжествѣ... Какія благоприятныя обстоятельства для поэзіи, и какъ жаль, что по незнанію птичьяго языка мы не знакомы съ птичьей поэзіей!..

Но, полно, правъ ли поэтъ въ своей основной мысли? Полно, невѣжествомъ ли сильна поэзія? По крайней мѣрѣ до сихъ поръ извѣстно всему грамотному свѣту, что сильнѣйшее развитіе изысканныхъ искусствъ совершалось только у просвѣщеннѣйшихъ народовъ міра — грековъ, римлянъ, итальянцевъ, англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, — а не у чукчей, коряковъ и самоѣдовъ...

Поклонникамъ Ураніи холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ пажити Эолъ бурнопогодный,
Плодотворять онъ сердца людей;
Живительнымъ дыханіемъ развита,
Фантазія подымается отъ нихъ,
Какъ нѣкогда возникла Афродита
Изъ пѣнистой пучины волнъ морскихъ.

И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ?
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очей
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Какіе чудные, гармоническіе стихи! Не грѣхъ ли заставить ихъ выражать такія неосновательныя мысли? И удивительно ли, что —

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ; персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста *възвать полуотверсты (?)*,
Но гордыя главы не преклонилъ.
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; *но суетъ*
Ужъ прайдного вертепа не являеть,
И на землѣ уединенья нѣтъ!

Сила грустнаго чувства словно молнія проблеснула въ послѣднихъ стихахъ этого куплета: видно, что мысль стихотворения явилась въ скорбяхъ рожденія! Видно, что она вышла не изъ праздно-мечтающей головы, а изъ глубоко-растерзаннаго сердца... И тѣмъ не менѣе все-таки она ложная мысль!

Человѣку непокорно
Море синее, синее
И свобода, и просторъ
И привѣтливъ онъ.

475742